

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ

ГАЛИНА СЫРИЦА

Даугавпилсский университет
galina.sirica@du.lv

Ключевые слова: *эмоциональный концепт, тоска, этнокультурная специфика, концептуальные признаки.*

Эмоциональные концепты являются предметом активного изучения как в собственно описательном, так и в сопоставительном аспектах (Н. Д. Арутюнова, А. Вежицкая, С. Г. Воркачев, Н. В. Дорофеева, Е. В. Димитрова, Н. А. Красавский, В. А. Маслова, Ю. С. Степанов, Е. Е. Стефанский и мн. др.). В силу сложности эмоциональных концептов, а также специфики их концептуализации первостепенное значение имеет анализ языковых средств, репрезентирующих эмоции. По справедливому замечанию Ю. Д. Апресяна, «когда мы имеем дело с внутренним миром человека, язык оказывается едва ли не самым надежным проводником в этот мир» (Апресян 1995, 43). Базовые эмоциональные концепты репрезентируются эмотивами-номинативами – словами, обозначающими чувства (*любовь, радость, страх, грусть* и др.), которые в основе своей являются универсальными. Одновременно смысловой объем концепта во многом зависит от количественного и качественного состава системы номинаций, участвующих в его вербализации. А. Вежицкая отмечает, что «способ интерпретации людьми своих собственных эмоций зависит, по крайней мере до некоторой степени, от лексической сетки координат, которую дает им их родной язык. <...> интерпретируются ли два внутренних состояния как проявления “одной и той же эмоции” или как “две разные эмоции”, в большой мере зависит от того, через призму какого языка эти эмоции интерпретируются» (Вежицкая 2001, 18).

Высокая «номинативная плотность» (термин В. И. Карасика) многих эмотивных концептов определяется не только сложностью самого мира чувств и эмоций, трудностью их дифференциации, но и значимостью тех или иных эмоций в рамках данной лингвокультуры. Широкие ряды номинаций в рамках русской языковой картины мира характеризуют концепты, передающие негативные эмоции, – *страх, грусть, тоска, тревога* и др. Синонимический ряд

с доминантой *тоска* включает синонимы: *тоскливость, уныние, меланхолия, хандра, кручина*, с доминантой *страх – ужас, боязнь, трепет, жуть* (ССРЯ 2, 557, 64) (ср., например, синонимический ряд с доминантой *радость: отрада* (ССРЯ 1, 328). Дифференциация семантики слов *тоска, грусть, печаль* в толковых словарях строится на основе сем, указывающих на степень проявления чувства: *тяжелое – легкое*, где самым «тяжелым» предстает *тоска*. На тесную связь и взаимодействие эмоциональных концептов, в известной степени их семантическую диффузность, указывают данные ассоциативного словаря: в ассоциативное поле эмотивов-номинативов входит много слов одного семантического ряда: «печаль» – *грусть, тоска*; «тоска» – *грусть, скука*; «грусть» – *тоска, печаль* (РАС 662). Рассмотрим некоторые аспекты этнокультурной специфики концепта *тоска*.

Помимо широкой системы номинаций, этнокультурная специфичность концепта выражается также в отсутствии эквивалентов в других языках. Объективным показателем значимости того или иного концепта может служить разветвленная семантическая структура имени концепта. Так, например, в латышском языке *тоска, печаль, грусть* обозначаются одним словом *skumjas*. В отличие от русского языка, где слово *тоска* имеет три значения (1. *Тяжелое гнетущее чувство, душевная тревога. // Разг. Гнетущая, томительная скука*; 2. *Скука, уныние, царящие где-л., вызываемые однообразием обстановки, отсутствием дела, интереса к окружающему*; 3. *О том, что вызывает у кого-л. состояние душевного томления, сильной скуки, уныния* (МАС 4, 389)), слово *skumjas* имеет одно значение, причем в его структуре отражена сема «легкая»: *Emocionāls stāvoklis, kam raksturīga, parasti viegla, nomāktība, psihiskās aktivitātes mazināšanās un ko izraisa, piemēram, kas nesasniedzams, zaudēts, arī neveiksmes, neapmierinātība ar ko* (LLVV 554). На отсутствие эквивалентов (или наличие частичных эквивалентов) в английском, французском, польском и чешском языках указывает ряд исследователей (Вежицкая 2001, Димитрова 2007, Стефанский www).

Специфика той или иной эмоции во многом связана с тем, в какой степени она зависит от внешних причин. В немецком языке также нет эквивалента слова *тоска*, при этом в структуре значения слова *Sehnsucht* присутствуют «объектные» семы – *nach jmdm., etwas*, конкретизирующие данное чувство: *inniges, schmerzliches Verlangen nach jmdm, etwas* (Duden 1381). В словаре приводятся наиболее типичные контексты: *er hatte S. nach seiner Familie, nach der alten Umgebung, in die Ferne* (Stilwörterbuch 628). Слово *Traurigkeit* имеет широкий синонимический ряд в немецком языке, однако ни одно из слов не является эквивалентным русскому *тоска*: *Kummer, Leid, Sorge, Trauer, Unglück, Schmerz, Qual, Gram, Jammer, Not, Kummernis, Last, Trübsal, Kreuz, Seelenschmerz, Verzweiflung, Trostlosigkeit, Misere, Marter, Pein, Martyrium* (WSA 612). В семантике большинства из них присутствуют каузальные конкретизаторы (ср., например: *Trauer – 1.a) [tiefer] seelischer Schmerz über einen Verlust od. ein Unglück* (Duden 1552)).

К этнокультурным характеристикам концепта относится его «непереводимость» на другие языки. Рудакова Н. В., исследуя английские переводы Пушкина, выявила двадцать два варианта перевода слова *тоска* (Рудакова www). Как показал анализ переводов стихотворений С. Есенина на немецкий язык, слово *тоска* также переводится с помощью целой группы синонимов: *И пускай со звонами плачут глухари / Есть тоска веселая в алостях зари – Mir bringt der rote Dämmer Sehnsucht, die mich freut* (Jessenin 1998, 8); *Люблю до радости и боли / Твою озерную тоску – Ich liebe freudevoll und leidend / die Schwermut deiner Seen-Welt* (Jessenin 1998, 28); *Уж давно я, давно я скрывал тоску / Перебраться туда, к их кочующим станам – Lange schon, lange verbarg ich das Sehnen* (Jessenin 1986, 143); *Читает мне жизнь / какого-то прохвоста и забуддыги, / нагоняя на душу тоску и страх – erfüllt mir die Seele mit trostloser Trauer und Furcht* (Jessenin 1986, 219). В ряде случаев слово *тоска* в переводе оказывается опущенным вовсе: *Устал я жить в родном краю / В тоске по гречневым просторам – Daheim zu leben bin ich leid, / mich locken Buchweizengezeiten* (Jessenin 1998, 25); *И меня по ветряному свею, / по тому ль песку, / поведут с веревкою на шее / полюбить тоску – Und ich werde dann im Windeswehen / durch den tiefen Sand / schwer in Ketten gleiche Wege gehen / in das ferne Land* (Jessenin 1986, 20) и др.

Стохастический характер большинства словарных дефиниций, характеризующих эмоциональные концепты (ср.: *уныние* – мрачное, подавленное состояние духа. // Гнетущая скука, тоска (МАС 4, 499); *хандра* – мрачное, тоскливое настроение, тоска, уныние (МАС 4, 591); *сплин* – уныние, хандра (МАС 4, 226)), предопределяет необходимость поиска более адекватных путей их описания. В центре внимания в данной работе находится периферия эмоциональных концептов – как наиболее культурно детерминированная и наименее описанная часть их структуры. В ее формировании первостепенное значение имеет художественный дискурс. Материалом для исследования послужили тексты авторов XIX и XX вв., и прежде всего тех, в идиостиле которых концепт *тоска* занимает одно из значимых мест (Достоевский, Анненский, Есенин, Рубцов и др.). К анализу привлекались прежде всего контексты, включающие имя концепта. В интерпретационном поле русских эмоциональных концептов значительное место занимают прецедентные феномены. Так, в ассоциативном словаре на слово «печаль» приводятся ассоциаты *печаль моя светла* (3), *печаль моя полна тобою*; на слово «грустно» – *и скучно и некому руку подать*, что лишний раз подтверждает необходимость обращения к поэтическому дискурсу (РАС, 446).

Как показал анализ, эмоциональные концепты характеризуются тесной связью с темпоральными концептами, в частности, с лексикой, называющей времена года, а также с концептами, характеризующими природные явления и объекты. В свою очередь, в рамках этих концептов выделяются ключевые образы, связанные с выражением той или иной эмоции. В ассоциативное поле

слов-стимулов «печаль», «грусть» входит ассоциат *осень* (ср. также на слово-стимул «грустный» даны ассоциаты *пейзаж, дождь, сентябрь*; «грустно» – *осень, дождь*); «тоска» – *дождь*; «вьюга» – *тоска*) (РАС 446, 661). «Пейзажная» зарисовка русской тоски есть уже у Пушкина: *избушек ряд убогий / За ними чернозем, равнины скат отлогий, / Над ними серых туч густая полоса* (ср. также у Есенина: *Сторона ль моя, сторонка, / Горевая полоса. / Только лес, да посолонка, / Да заречная коса...*).

Многие природные реалии получают устойчивый эмоциональный фон, становясь знаком выражения определенной эмоции в рамках той или иной лингвокультуры. Ю. С. Степанов определяет “природные” атрибуты русской тоски: *мокрый снег, темнота, желтый, мутный свет* (Степанов 1997, 683). К ним можно отнести также *вороний грай, осенний ветер: Заунывным карком / В тишину болот / Черная глухарка / К всенощной зовет* (Есенин); *Когда в окно осенний ветер свищет / И вносит в жизнь смятенье и тоску* (Рубцов). Безусловным выразителем русской грусти являются журавли в осеннем небе. Их описание, как правило, включает эмотивную лексику минорной гаммы: *И журавли, печально пролетая, / Уж не жалеют больше ни о ком* (Есенин); *Что грустно так поют суровым хором / И темный лес, и стаи журавлей* (Рубцов); *Не порвать мне мучительной связи / С долгой осенью нашей земли, / С деревцом у сырой коновязи, / С журавлями в холодной дали* (Рубцов). Курлыкание улетающих на юг журавлей неизменно напоминает плач: *Летят, летят косым углом, / Возжак звенит и плачет... / О чем звенит, о чем, о чем? / Что плач осенний значит?* (Блок); *О как больно душе, как мне хочется плакать / Перестаньте рыдать надо мной журавли* (Жемчужников); *Все, что есть на душе, до конца выражает рыданье / И высокий полет этих гордых, прославленных птиц* (Рубцов); *Далеко разгласит улетающий плач журавлей* (Рубцов) Слово *журавлиный* (журавлиная тоска) развивает качественную семантику: *Полюбил я тоской журавлиною / На высокой горе монастырь; Вот она, невеселая рябь / С журавлиной тоской сентября!* (Есенин).

Тоска связывается с широкими просторами, безлюдьем: *Тоска: на расстоянии тридцати верст ни живой души, ни встречи с человеком, ни жилища на дороге, ни даже самой дороги!* (Гончаров); *Неуютная жидкая лунность / И тоска бесконечных равнин* (Есенин). О влиянии русской шири на состояние души пишет А. Д. Шмелев: «чувству тоски способствуют бескрайние русские пространства; именно при мысли об этих пространствах часто возникает тоска» (Шмелев 2002, 361). Как показал наш анализ, тоску может вызывать и отсутствие широкого пространства: *Устал я жить в родном краю / В тоске по гречневым просторам* (Есенин).

Важным концептуальным признаком эмоционального концепта *тоска* является указание на предельную степень проявления чувства. Это находит отражение в устойчивом сочетании *смертельная (смертная) тоска*. В ассоциативном словаре отражен широкий ряд оценочной лексики: «тоска» –

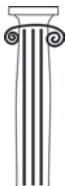

смертная, ужасная, дьявольская, неодолимая, такая, что (ср. также: «грусть» – несусветная, сильная, собачья, ужасная; «печаль» – глубокая, горькая, беспросветная, большая, невыносимая, невыразимая, неземная, нескончаемая) (РАС 661). Частотное использование интенсификаторов семантики наблюдается в художественном дискурсе: *Чувство бесконечного отращения, начинавшее давить и мутить его сердце <...> достигло теперь такого размера и так ярко выяснилось, что он не знал, куда деться от тоски своей; Какое-то совсем новое ощущение томило его сердце бесконечною тоской; В нестерпимой тоске, ежеминутно трепеща и удивляясь на самого себя, стелая и замирая попеременно; но сердце его вдруг загрустило и затосковало о чем-то особливо <...> Он остановился и вдруг спросил себя: «Отчего сия грусть моя даже до упадка духа?»* (Достоевский); *Наш путь в тоске безбрежной, / В твоей тоске, О Русь* (Блок); *В смертельной тоске, отравлявшей душу в начале болезни, Кузьма бредил снегурем, Клашей, Воронежем* (Бунин).

В качестве интенсификатора семантики часто используется слово *страшный*, что является одновременно косвенным подтверждением близости, сопряженности концептов *тоска* и *страх*: *страшная тоска сжала его сердце; Глубокая тоска облегла, как тяжелый туман, его душу. Глубокая, страшная тоска!*; *должны были ощутить страшную тоску и смятение в тот вечер, раздробивший разом все их надежды и почти что верования и др.* (Достоевский). Ю. С. Степанов в словаре концептов рассматривает тоску в соотносительном ряду – *страх, тоска, грех, грусть, печаль*. Отмечая в качестве «важнейшей составляющей тоски иррациональный вид страха, источники которого непонятны для человека», Е. Е. Стефанский также указывает на близость концептов *тоска* и *страх* (Стефанский www).

Одно из частотных определений тоски в художественном дискурсе – *такая*. Это слово указывает не только на предельную степень тоски, но и на недефинируемость, необъяснимость чувства: *Но вместо восторга на душу его сошел вдруг такой мрак, а в сердце заняла такая скорбь, какой никогда он не ощущал прежде во всю свою жизнь; Давно уже Алеша не испытывал такой тоски* (Достоевский); *На меня, видишь ты, тоска находит. Такая, скажу я тебе, братец мой, тоска, что невозможно мне в ту пору жить* (М. Горький). На предельную степень проявления чувства и одновременно на невозможность объяснить ее причины указывает слово *невыразимый*: *В невыразимой тоске дошел он пешком до своего трактира* (Достоевский); *Час тоски невыразимой! / Все во мне и я во всем!* (Тютчев).

Кроме того, концепт *тоска* включает в себе смыслы, нашедшие отражение в славянской мифологии: состояние тоски определяется воздействием злого духа – «видения, инспирированные бесами, вызывают тяжелое чувство смущения и тоски или, напротив, судорожной веселости» (МС, 95). Слово *тоска* дано в описании внутреннего состояния Ивана Карамазова во время встречи с чертом: *именно об этом томило тоской* (ср. в рассказе Лизы Хохлаковой о

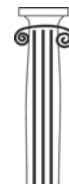
своем сне о чертях: *Ужасно весело, дух замирает* (Достоевский). В говорах *тошной* и *тошная* – тошная сила, нечистая, бес (Даль 4, 424). Ю. С. Степанов указывает на связь значений слова *тоска* в древнерусском языке с признаком “стеснение, давление, натиск” и среди атрибутов русской тоски называет: *теснота, что-то давит, тошнота, тошно, мысль о могиле* (Степанов 1997, 673). Тоска может сопровождаться физическим чувством тошноты: *Тоска до тошноты, а определить не в силах, чего хочу; ведь меня от одной мысли наяву стошнило и в ужас бросило; О, тошно мне, грустно мне!* (Достоевский).

Образное осмысление эмоциональных концептов связано с указанием на антропоморфный или – чаще – зооморфный характер чувства, его персонификацию: *Тоска меня загрызла, места не найду* (А. Островский); *И опять, как раньше, с дикой злостью / Запоет тоска...* (Есенин). В системе языка закрепились устойчивые сочетания *тоска берет, грызет, съедает, одолевает; тоска нападает, находит*. Действие совершается вне воли субъекта, вызывает чувство боли (ср. также: *грусть – налетела, напала, одолела*). Тоска *сжимает, давит сердце, душу: Как только прячется солнце, душу мою начинает давить тоска* (Чехов). Тоска находится в глубине души, лежит на сердце: *Все мрачную тоску на душу мне наводит* (Пушкин), *Ты увидишь из окошка белый саван мой, / И сожмется твое сердце от тоски немой* (Есенин); *<...> и только хотелось ему тоску с души сплеснуть да чувствовать теплоту* (Солженицын). С выражением этой семантики связаны фразеологизмы *душа болит, сердце ноет*. Среди синонимов, определяющих тоску, в словаре Даля встречается словосочетание *нойка сердца* (ср. также: *Как тоска злая на сердце залегала* (Даль 4, 422)).

Значительное место в художественном дискурсе занимают оксюморонные сочетания *веселая тоска, полюбить тоску: Недоумелая, мое недоуменье / Всегда веселая, она моя Тоска* (Анненский); *И пускай со звонами плачут глухари / Есть тоска веселая в алоях зари* (Есенин); *И меня по ветряному свею, / по тому ль песку, / поведут с веревкою на шею / полюбить тоску; Люблю до радости и боли / Твою озерную тоску* (Есенин). М. Булгаков определяет смертоносное начало веселой тоски: *отравляя душу веселой тоской*. Оксюморонные сочетания в известной степени указывают на иррациональное начало тоски, на невозможность преодоления тоски и объяснения ее причин и истоков.

Подведем некоторые итоги. Несмотря на универсальный характер эмоциональных концептов, их вербализация в рамках конкретных языков характеризуется рядом особенностей. Ядерный слой концепта составляют концептуальные признаки, выявленные на основе анализа семантики имени концепта, в роли которого выступают эмотивы-номинативы. Этнокультурная специфика на этом уровне выражается в особенностях семантической структуры имени концепта, в его «непереводимости» на другие языки, а также в наличии (или отсутствии) синонимически соотносящихся единиц.

Стохастический характер семантики большинства эмотивов-номинативов предопределяет необходимость обращения к данным ассоциативных словарей,

а также к анализу художественного дискурса. Для русской эмоциональной концептосферы чрезвычайно значимы интертексты. Концептуальные признаки, выявленные на основе художественного дискурса, в наибольшей степени отражают этнокультурную специфику концепта. Образная и аксиологическая характеристика эмоциональных концептов формируется прежде всего в рамках художественного дискурса.

Эмоциональные концепты и, в частности, концепт *тоска* характеризуются тесной связью с темпоральными и природными концептами. В рамках каждой лингвокультуры выделяется своя система доминантных образов, связанных с выражением того или иного концепта. Так, с выражением русской тоски связаны *вороний гай, осенний ветер, журавли в осеннем небе, широкие просторы*.

Эмоциональный концепт *тоска* характеризуется указанием на предельную степень проявления чувства, а также на связь с концептом страх, в том числе на уровне его синтагматических отношений. Важнейшим концептуальным признаком рассматриваемого концепта является *мучительное, предельное по степени выражения, необъяснимое, возникающее вне воли субъекта чувство*.

Связь концепта *тоска* с мифологической символикой во многом предопределяет такие его концептуальные признаки, как персонификация и зооморфный характер.

Выявление специфики поэтического и прозаического дискурса с точки зрения отражения в них эмоциональных концептов, в том числе с учетом особенностей конкретных идиостилей в диахроническом аспекте, нуждается в дальнейшем изучении.

Литература

- Антология концептов* / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Москва, 2007.
- Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания. *Вопросы языкознания*, 1995, №1.
- Бабенко Л. Г. *Лексические средства обозначения эмоций в русском языке*. Свердловск, 1989.
- Вежбицкая А. *Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики*. Москва, 2001.
- Воркачев С. Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты. *Известия АН. Серия литературы и языка*, 2001, т. 60, № 6.
- Воркачев С. А. *Любовь как лингвокультурный концепт*. Москва, 2007.
- МАС – *Словарь русского языка* / Под ред. А. П. Евгеньевой. Москва, 1981–1984.
- МС – *Мифологический словарь*. Москва, 1990.
- РАС – *Русский ассоциативный словарь*. Москва, 2002.
- Рудакова Н. В. Тоска в английских переводах А. С. Пушкина. <http://www.ksu.ru/science/news/pushkin/p79.htm>.
- ССРЯ – *Словарь синонимов русского языка* / гл. ред. А. П. Евгеньева. Ленинград, 1971.
- Стефанский Е. Е. Концепт тоски в русской, польской и чешской лингвокультурах. <http://www.russian.slavica.org/article1772.html>.

- Степанов Ю. С. *Словарь русской культуры*. Москва, 1997.
- Шмелев А. Д. *Русский язык и внеязыковая действительность*. Москва, 2002.
- Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности*. Волгоград, 2004.
- Duden – *Duden Deutsches Universalwörterbuch*. Mannheim-Leipzig-Wien-Zürich: Dudenverlag, 1989.
- Sergej Jessenin Gedichte*. Russisch – deutsch. Übertr. von P. Celan, A. Christoph, A. Endler E. Erb, R. Kirsch. Leipzig, 1986.
- Sergej Jessenin Gedichte*. Auswahl. Übertragungen und Nachwort von Karl Dedecius. Ebenhausen bei München, 1998.
- LLVV – *Latviešu literārās valodas vārdnīca*. Rīga, 1991.
- Stilwörterbuch – *Das Stilwörterbuch der deutschen Sprache*. Die Verwendung der Wörter im Satz. Mannheim-Leipzig-Wien-Zürich: Dudenverlag, 1988. Band 2.
- WSA – *Wörterbuch der Synonyme und Antonyme*. Fischer Taschenbuch Verlag, 1990.

Galina Syrica

EMOCINIŲ KONCEPTŲ ETNOKULTŪRINĖ SPECIFIKA

Santrauka

Pagrindiniai žodžiai: *emociniai konceptai, etnokultūrinė specifika, konceptualieji požymiai, liūdesys.*

Straipsnyje analizuojama minorinės gamos emocinių konceptų etnokultūrinė specifika. Pagrindinis dėmesys skiriamas koncepto *тоска* 'liūdesys' verbalizacijai ir jo lyginimui su kitomis kalbomis. Koncepto branduolį sudaro konceptualieji požymiai, gauti analizuojant koncepto įvardijimo semantiką. Šiame lygmenyje etnokultūrinė specifika pasireiškia koncepto įvardijimo semantinės struktūros ypatybėmis, jo „neišverčiamumu“ į kitas kalbas, taip pat buvimu (ar nebuvimu) sinoniminių ryšių su kitais vienetais.

Emocinių konceptų periferija formuojasi visų pirma meninio diskurso sferoje. Emociniai konceptai glaudžiai susiję su temporaliniais ir gamtiniais konceptais. Kiekvienoje kalbinėje kultūrinėje bendruomenėje išsiskiria savita dominuojančių vaizdinių sistema, susijusi su vieno ar kito koncepto raiška. Pavyzdžiui, su rusišku liūdesio konceptu susiję junginiai *вороний грай, осенний ветер, журавли в осеннем небе, широкие просторы*.

Emocinis konceptas *тоска* pasižymi maksimaliu jausmo intensyvumu. Esmingiausi konceptualieji požymiai reiškiami junginiais *мучительное, предельное по степени выражение, необъяснимое, возникающее вне воли субъекта чувство*. Koncepto *тоска* ryšį su mitologine simbolika lemia tokie jo konceptualieji požymiai, kaip personifikacija ir zoomorfinis pobūdis.

Galina Syrica

**ON THE ETHIC-CULTURAL SPECIFICITY OF EMOTIONAL
CONCEPTS**

Summary

Keywords: *emotional concepts, ethnocultural specificity, conceptual features, sadness.*

The present paper deals with the ethic-cultural specificity of emotional concepts of melancholic range. The focus is on the verbalization of the Russian name of the concept *тоска* in comparison with other languages. The nucleus layer of the concept comprises conceptual features established as a result of the semantic analysis of the name of the concept. The ethic-cultural specificity at this level is expressed in the special semantic structure of the concept name, in its 'untranslatability' into other languages, and in the existence (or absence) of related synonyms.

The periphery of emotional concepts is first of all formed in a literary discourse. Emotional concepts are characterized by close links with temporal and nature-related concepts. A unique system of dominant images connected with the expression of a particular concept can be discerned within every individual culture, for instance, *вороний грай, журавли в осеннем небе, широкие просторы* are associated with the expression of Russian melancholy/depression.

The emotional concept *тоска* implies a reference to the utmost degree of the expression of this feeling. A central feature of the studied concept is *a reaching its peak unexplained agonizing feeling that appears involuntarily on the part of its agent*. A link that exists between the concept *тоска* and mythological symbolism determines such features as *personification* and *zoomorphism*.

